

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. Г. Понятовская

Московский институт экономики, политики и права

В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» от 5 июля 2006 г. Общая часть УК РФ претерпела значительные изменения. В ее структуру включен новый для российского уголовного права институт – иные меры уголовно-правового характера. Его структурное обособление получило отражение в названии раздела VI УК РФ. Поводом для законодательного закрепления нового института Общей части уголовного права послужило возвращение в УК РФ в новом качестве конфискации имущества (исключенной ранее из системы наказаний). В новой редакции этот раздел включает две главы: о принудительных мерах медицинского характера (глава 15) и о конфискации имущества (глава 15.1).

Эта законодательная новелла была оценена российской научной общественностью неоднозначно. Отчасти это обусловлено тем, что наша доктрина оказалась не готовой обосновать и включить в научный инструментарий уголовно-правовое явление, которое не вписывается в существующую систему форм реализации уголовной ответственности, а также в систему институтов Общей части уголовного права. Принудительные меры медицинского характера чаще всего трактовались как превентивные меры, которые не имеют собственного уголовно-правового значения. Поэтому их отношение к уголовному праву вполне можно было характеризовать как исключительное.

Теперь же требуется их теоретическое обоснование, поскольку собственное уголовно-правовое значение этих мер определено законодательным образом – иные меры уголовно-правового характера. Более того: необходимо также определить функциональные особенности каждой меры уголовно-правового характера, входящей в новый уголовно-правовой институт.

Таким образом, следует решить ряд задач: определить социально-политическое и правовое основание институативного выделения (и обособления) иных мер уголовно-правового характера; определить уголовно-политическую функцию этого института в отличие от институтов наказания, освобождения от наказания и его отбывания, а также освобождения от уголовной ответственности; согласовать с этой общей для всего института функцией назначение всех входящих в него мер. Нет сомнений в том, что следствием такой теоретической разработки явятся выводы о специфике условий и оснований применения указанных мер.

Уголовное право Республики Беларусь решило эти задачи по-своему. Иные меры уголовной ответственности, предусмотренные в главе 11 УК Беларуси, отнесены к формам реализации уголовной ответственности, а его разделом IV выделяются принудительные меры безопасности как меры, которые обособлены от мер уголовной ответственности. Таким образом, можно говорить о том, что наряду с мерами ответственности в уголовном законе получили закрепление особые меры – *меры безопасности*. Аналогичные меры предусматриваются уголовными законами многих государств как самостоятельное уголовно-правовое явление, имеющее свою собственную уголовно-политическую функцию, отличную от функций, принадлежащей мерам уголовной ответственности.

Определение уголовно-правовой природы иных мер уголовно-правового характера по УК РФ не имеет такого четкого законодательного основания, поскольку не ясно, какого характера являются меры, предусмотренные разделом VI УК РФ. Именно характер этих мер определяет суть уголовно-политического вопроса – в чем заключается функция института иных мер уголовно-правового характера как самостоятельного (отдельного) уголовно-правового явления.

В настоящее время мировой практикой признано самостоятельное уголовно-правовое значение мер безопасности. Они имеют давнюю историю – с тех пор, когда в XIX в. Адамом Принсем была выдвинута уголовно-политическая идея социальной защиты. Эта идея воплотилась в различных уголовно-правовых явлениях. Самыми распространенными из них являются меры уголовно-правового воздействия, которые связаны с государственным контролем над неблагополучной в криминальном отношении личностью (институты патронирования, пробации и пр.). В последнее время и в российской юридической литературе появляются значительные исследования мер

безопасности. Фундамент для методологического обоснования уголовно-правовой природы иных мер уголовно-правового характера заложен. Однако вряд ли он готов к возведению на его основе нового здания. Конфискация имущества (в том виде, в каком представлена в действующем УК РФ) не может быть отнесена к мерам безопасности.

В действительности конфискация имущества способна решать задачи социальной защиты (являться мерой безопасности) в тех случаях, когда ее применение будет направлено на устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению. Например, согласно п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, могут быть конфискованы деньги, ценности, иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования преступного сообщества (преступной организации). Согласно п. «г» ч. 1 этой статьи по решению суда могут быть конфискованы также орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Представляется, что решение вопроса о целесообразности применения отдельных мер безопасности может зависеть от характера совершенного лицом преступления. Особенности преступления в сочетании с криминологическим портретом лица, совершившего его, нередко определяют тенденцию к возобновлению преступной деятельности. Позиция законодателя в этом вопросе представляется недостаточно ясной. Одним из условий конфискации имущества является совершение преступления, указанного в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В то же время в качестве основания применения указанной меры выступает характеристика имущества как добытого преступным путем.

По смыслу закона может быть конфисковано имущество (деньги или ценности), добытое, например, в результате убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ) или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 111 УК РФ). Действительно, как может быть восстановлена справедливость, если деньги, ценности или имущество, добытые в результате убийства по найму или из корыстных побуждений, останутся в пользовании или распоряжении виновного? Несмотря на важность поставленного вопроса, его решение не имеет отношения к уголовно-политической функции мер безопасности, так как не имеет прямого отношения к задаче превенции.

Более того: применение в этих случаях конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера противоречит идее

справедливости. Меры безопасности, в отличие от мер уголовной ответственности, являются лишь целесообразными мерами превенции. Эта политическая особенность их природы определяет те положения уголовного закона, согласно которым применение или неприменение этих мер оставлено на свободное судебское усмотрение. Следовательно, и применение конфискации имущества, добытого преступным путем, зависит от судебного усмотрения. Справедливость требует иного решения. В текстуальном отношении порядок применения конфискации имущества является неопределенным: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства следующего имущества...». Двусмысленность формулировки допускает свободу судебного усмотрения в вопросе применения конфискации имущества. Однако при желании в нее можно вложить и другой смысл.

Тексты уголовных законов всегда давали поводы для упреков в их несовершенстве. Однако качество уголовно-правового регулирования, по моему мнению, определяется не только текстом уголовного закона. Техничко-юридические проблемы законодательства преодолеваются только тогда, когда определенное решение имеют именно правовые вопросы. В особенности те, которые имеют концептуальное значение. Выделение и обособление нового уголовно-правового института является именно таким (концептуальным) вопросом. Он имеет не только теоретическое, но, прежде всего, уголовно-политическое значение. Определить уголовно-политическую функцию нового института может только субъект наказательной власти. Даже самое лояльное к ней научное или доктринальное толкование нового законодательного положения не сможет восполнить недостатка уголовно-политической воли государства.